

Игорь Божко

Слепое слово

Это было то время, когда весь советский народ нетерпеливо ждал резкого перехода от позднего социализма к обещанному коммунизму. Но коммунизм запаздывал.

Глава 1.

В четыре часа утра возле седьмого роддома его сбил мусоровоз. Но все обошлось. Нельзя сказать наверняка, что он был очень пьян, но пьян был. Шофер мусоровоза тоже был пьян по причине похмельного утверждения. Шоферу надо было утвердиться после вчерашнего дня рождения у бригадира. Так что справедливость восторжествовала. Так правильно. Иначе нельзя.

Он шел, а потом ему показалось, что бегущая за ним собака – бешеная. Когда до его фигуры оставалось метра три, он резко бросил свою фигуру влево. Мусоровоз был уже готов. Выезжал на малой скорости из заднего двора роддома – и тут это произошло. Столкнулись, а собака побежала дальше. Хвост у нее действительно был поджат – возможно, что она действительно была бешеная. Хотя иди знай. Может, и не бешеная.

Когда это все случилось, утро только начинало светиться серым таким медленным светом. Кто ж знал, что так получится? Шофер, хотя тоже был пьян, но успел. Иначе было бы хуже. Он в самый последний момент нажал на тормоз, и фигура не попала под колеса. Только ударилась о крыло мусоровоза и упала рядом. Шофер четыре раза сказал нехорошее слово. Громко и выразительно. Открыл

дверь кабины, спрыгнул на землю и еще четыре раза сказал слово. Грузчики мусорных баков, тоже как-то взбодрившись, подошли к упавшему и тоже сказали свои нехорошие слова. Потом они подняли фигуру, оттащили ее к обочине, и тут выяснилось, что фигура спит. Откровенно и непринужденно похрапывая и ни на что не жалуясь. По очереди они все пнули спящего ногой в тело и уехали. Потому что на работе. Свидетелей происшедшего поблизости никого не было. Только возле школы (далековато отсюда) находился выгуливающий собачку. А фонарь там не горел. Шофер был человек, многое замечающий. Перед тем как уехать, он еще раз хорошо осмотрелся. Собака с поджатым хвостом сначала бежала впереди мусоровоза, а потом наддала и скрылась среди пятиэтажек.

У фигуры, лежащей на обочине, через плечо была переброшена сумка. Среди разных предметов в ней находилась рукопись. В виде толстой тетради со страницами в клеточку, исписанными от корки и до корки мелким почерком, по которому уже другой рукой шел почерк более крупный. Косой. Поэтому разобрать сразу, что там писалось, было трудно. Хотя отдельные слова, если хорошо всмотреться, прочитывались. Когда потом эта тетрадь оказалась на столе у следователя, то он вначале застыл в недоумении. Но об этом не здесь. Пока не здесь. Здесь дело другое.

Примерно часа через четыре, выпавшись на обочине, фигура проснулась, не совсем понимая, где она находится. Из-за крыши роддома уже показалось солнце. Сквозь голые ветки деревьев оно расчертило всю землю длинными изломанными тенями, и все вокруг сделалось красивым. Фигура стыдливо поднялась с земли. Стыдливо, потому что мимо уже шли в школу школьники, и кто-то из них бросил в лежащего огрызком яблока, и попал прямо в лоб, и это стало сигналом к поднятию на ноги. Конечно же, в голове шумело. Неизвестно почему болел левый локоть и левое плечо, и левое ухо. Ухо оказалось распухшим, и внутри его при раскрытии рта что-то щелкало. Стыдливо отряхивая брюки и куртку, фигура нестойко пошла по межквартальному покрытию дороги и, дойдя до своего дома, косо вошла в подъезд и стала подыматься по лестнице. Не доходя одного пролета до своей квартиры, она остановилась на площадке у окна и стала рыться в сумке в поисках ключа. Роясь среди всяких предметов, Матвей Федорович достал выше-

описанную тетрадь и положил ее на подоконник. Потом наконец-то нашел ключ, поднялся к своей двери, открыл ее и вошел. А тетрадь так и осталась лежать на подоконнике до тех пор, пока ее тихо и осторожно не забрала пенсионерка Карбзлинская.

Карбзлинская только поставила варить макароны, а потом увидела в дверной глазок, как этот гнусный Мавзей (так она его называла) рылся в своей сумке, а потом что-то положил на подоконник и поднялся к себе. А то, что положил, – забыл взять. Тихо она открыла дверь, на поджатых ногах выскользнула и торопливо схватила. И вернулась. Тетрабочка какая-то. Толстая. Устроила на нос очки и хотела уже прочесть, что там написано, но не смогла. И так и сяк вертела тетрадь, и ничего не получалось. Просмотрела все страницы – везде одно и то же. Мелкий почерк перекрывался крупным косым, и кроме злобного нетерпения, ничего не получалось. Но несколько слов она все-таки прочла: «...зарезали в понедельник...». И руки у нее затряслись от возбуждения, и слюна сама по себе потекла изо рта. Она вытерла ее ладонью. Ну а как же... так это же... так это же... серьезное доказательство. А вот еще слова разобрала: «...в шею штопором...» и «...целовал суп ели этил...».

Карбзлинская снова припала к дверному глазку. Прислушалась ко всем шумам и шагам, к случайным стукам и разговорам, идущим со двора. К лаю собак. Вот у кого-то что-то упало и покатилося. Вот брякнули кастрюли. Дверь у кого-то открылась и закрылась. Ага, это на втором этаже... Это Вова придурок вышел на площадку курить. Ей показалось, что через дверную щель она учуяла запах сигаретного дыма, и подумала: «Чтоб ты сдох со своим куревом!».

Глава 2.

А потом так вслух и сказала: «Чтоб ты сдох со своим куревом!». Отошла от двери, направилась во вторую комнату – и тут увидела, что муж уже сидит в своем кресле перед неработающим телевизором и о чем-то думает. Муж сидел совершенно голый, но на голове у него была надета форменная (с крабом) фуражка плавающего комсостава.

– На вот, посмотри, что я сейчас подобрала, – сказала она и бросила на голые ноги мужа тетрадь.

Тот даже не пошевелился.

– Тебя, я вижу, уже совсем ничего не интересует, – обиделась пенсионерка. – Своим глупым молчанием ты сведешь меня в могилу.

– Положи это на место – туда, где взяла, – скрипучим заржавленным голосом сказал муж и не взял тетрадь в руки.

– Но ты хотя бы посмотри, что там написано! Зарезали в понедельник и ели суп!

– Сделай, как я сказал.

В комнате почему-то сделалось тихо. Только был слышен далекий собачий лай – и больше ничего не было слышно. Но и тот вдруг затих. Да... Вот так. Тишина с запахом протухшего мяса повисла в воздухе.

Тут, конечно же (пока тишина повисла, пока есть время), надо сказать несколько слов о самой пенсионерке Карбзлинской. Она добирала по жизни уже восьмой десяток лет, и главная черта ее характера состояла в том, что особа эта обладала непомерным бытовым любопытством. Это было ее призвание – знать всё и про всех. Вторая черта была – ненависть ко всем, и третья – зависть. Лет сорок она проработала надзирателем в женской следственной тюрьме и была там на хорошем счету (конечно же) у начальства, а среди своих носила кличку Двойная Сопля, но ее боялись. Боялись какой-то брезгливой боязнью все – и начальство и сослуживцы, но тем не менее делали вид, что хорошо к ней относятся. Иначе можно было пострадать. И многие страдали. Краткое слово – донос. «Ставлю вас в известность...»

И бумага шла по назначению. Конечно же, несправедливо писать портрет Карбзлинской только с негативной стороны. Она тоже много страдала. И боялась. Во-первых – мести от заключенных и сослуживцев. И еще боялась собак, поскольку однажды была укушена самой обычной собакой. Дворовой. Не злобной. Даже ласковой. Ну что еще можно сказать в защиту пенсионерки? Ага! Она не курила и не пила крепких напитков. Так, по праздникам немного простого вина стопочку –

и всё. И то не за один раз, а в несколько небольших глоточков. Все больше слушала, кто что говорит (если сидела за общим столом), вслушивалась и запоминала. И получала от этого вслушивания (даже если говорящий сидел вдалеке) приятное волнение.

– Сделай, как я сказал, – снова повторил муж.

И тишина в комнате пропала. Сразу же стало слышно законное чириканье воробьев. Шелест и дрязг проезжающих машин. И все то же гавканье собак. Близкое и дальнее. Голоса детей, идущих куда-то по своим детским делам.

– Хорошо, – жестко согласилась жена и взяла тетрадь. И отошла уже к двери, и повернула голову. – Я только хотела, чтобы ты...

Но супруга в кресле уже не было.

– Ушел... Ну хорошо. Я сама знаю, что делать.

Что значит – ушел? Тут надо пояснить следующее. Муж Карбзлинской лет десять назад как умер. И был предан огню крематория. И урна с его прахом была закопана на общем кладбище, но... в квартире, где раньше проживал, стал появляться. Причем в минуты особого волнения супруги. В эти минуты она забывала, что муж уже давно растворился в просторах вселенной, и даже тени его не может быть на этой земле. Однажды (это было впервые) после ссоры с соседкой с первого этажа она в злобном волнении вошла в свою квартиру и сразу же почувствовала, что в комнате, там, где стоит телевизор, кто-то есть. Она вошла туда и даже не удивилась. И первые слова ее были такие: «Представляешь, эта сука Зина говорит мне сейчас, что я сплетница! Что я про ее сына сказала, что он пидараст! Так он и есть пидараст!».

Ну что тут можно сказать? Науке уже давно подобные факты известны. Неоднократно подобные случаи описаны в беллетристике, и в кинематографе использованы неоднократно. Ничего здесь нового нет, копаться в этом феномене жизни мы не намерены. Нам это не нужно. Пенсионерка видела и общалась. И всё! Лучше же, конечно, три раза сплунуть через левое плечо на всякий случай, а потом уже описывать дальнейшие события.

Глава 3.

Подобранную подозрительную тетрадь она положила в свою обширную сумку, с которой всегда ходила на базар, закрыла на три замка дверь, спустилась по лестнице, держась за перила цепкими сухими пальцами, и вышла за дом на межквартальный проезд.

Вот она прошла мимо того места, где сегодня утром был сбит это ничтожество Мавзей. У всех соседей по подъезду юркая пенсионерка под различными предложениями уже побывала в квартирах. Все рассмотрела, все высмотрела. Где что находится, какая мебель, какая обстановка. Как все обставлено. Какие ковры на стенах. Нет ли чего подозрительного на виду или же где припрятано. У всех побывала, а у жильца с пятого этажа еще не была ни разу. Какие только предлоги не придумывала, а он, подлец, так ни разу и не впустил. То через дверь разговаривал, то вообще делал вид, что его нет дома. Хотя она знала, что дома он. Своими глазами видела, что проходил туда.

Вот она пошла по тропинке через школьный стадион, потом свернула налево и вышла к пятиэтажке, в которой располагалось районное отделение милиции. Дорога знакомая. Хоженая не раз. Не раз вот этими ножками в ботинках топтаная. Болят ножки, болят. Особенно в коленях. Распухли и скрипят. И ничего не помогает. Уже даже по совету одной знакомой лечила, чтоб ей сдохнуть! Присоветовала, сволочь! Говном на ночь суставы обмазывала и закутывала в теплое. Сначала вроде пошло все в лучшую сторону, а потом все обострилось и стало еще хуже.

«Я ей, конечно же, потом все высказала, а она мне говорит: «А ты каким обмазывала?» – «Как это каким? Своим собственным». А она потом говорит: «Дура ты, Тамара Петровна! Я же тебе русским языком сказала: говном младенцев надо, которые только родились и еще сиську мамкину ссут». Сколько я потом того младенческого говна в роддоме выпрашивала! На меня там все как на сумасшедшую смотрели. Столько нянечкам переплатила, чтоб они мне тот товар собирали. И никакого результата. Как болели ноженьки – так и болят».

С такими невеселыми рассуждениями пенсионерка Карбзлинская подошла ко входу в отделение. У входа на двух лавочках сидели товарищи – по возрасту такие же, как и она сама. Разговаривали про жизнь осторожно. Так, общими словами, не вдаваясь в подробности. Потому что все знали, кто сидит рядом и по каким делам пришел в отделение.

Тамара Петровна сразу же направилась к дежурному и спросила, появился ли уже следователь Басов. Дежурный хорошо знал пришедшую и даже не стал спрашивать, по какому она вопросу к Борису Михайловичу. Сказал только, что его еще нет, и предложил подождать на лавочке у входа.

Ну что ж, нет так нет. Придется подождать. Она вышла из двери отделения и увидела, что муж уже сидит на лавочке вместе с другими ожидающими. Голый, но в фуражке. Руки положил на соответствующие колени и делает вид, что он здесь ни при чем. Пенсионерка подошла к нему и сказала:

– Подвинься.

Но тот не подвинулся.

– Зачем ты сюда пришел? Подвинься! Я кому сказала?!

Пенсионер-товарищ, сидевший рядом с ее мужем, злобно приподнял кустистые брови, посмотрел глазами-буравчиками на стоящую перед ним старую перечницу и не менее злобно заметил:

– Тебе что, здесь места мало? Тоже мне балерина из блошиного театра! И по какому это ты праву спрашиваешь меня, почему это я сюда пришел?! По какому такому праву?! – руки сидящего затряслись, палка в его ладонях стала сама по себе постукивать по асфальту, а плечи как-то нелепо подпрыгивать.

– Только пришла – и уже распоряжается здесь, – поддержала возмущенного товарища сидевшая рядом с ним особа крупного телосложения.

– А тебя здесь никто не спрашивает! – расправила крылья Карбзлинская. – Видела я таких! Я тебе там... показала бы, кто я такая! Ты бы у меня там... поплясала бы яблочко с выходом!

Она хотела еще добавить пару горячих, но тут увидела, что в отделение прошмыгнул Басов, и поспешила за ним. А мужу, обернувшись, пообещала:

– Тебе я еще потом скажу, почему я так решила! Ты же знаешь, сколько вот через эти руки всякой нечисти прошло! И врагов нашего государства! – она показала ему свои руки с висевшей на локте базарной сумкой.

Сидевший и все еще трясащийся рядом с мужем Карбзлинской трудящийся на заслуженном отдыхе привстал, громко пукнул и, сверкая буравчиками, изрек:

– Вот тебе на твои слова, старая калоша! Вот тебе! – и напрягся. И еще раз «застрочил из пулемета пулеметчик молодой».

– Это ваша знакомая? – спросила пулеметчика крупнотелая соседка. – Вы ее так оригинально приветствуете...

Глава 4.

– Что у вас на сегодня, Тамара Петровна? – перебирая бумаги на столе и не глядя на вошедшую, спросил Басов.

– На сегодня у меня вот это, Борис Михайлович, – и протянула ему тетрадь. – Прошу ознакомиться.

– Что это такое? – следователь не торопился взять тетрадь в руки.

– Это материал, который, как я думаю, должен вас заинтересовать.

– Где вы это взяли?

– Изъяла у известного вам жильца нашего дома Строчко. Я вам про него неоднократно докладывала.

В кабинете следователя Карбзлинская стояла по стойке смирно. Все ее движения были угловаты и кратки. Басов все так же перебирал бумаги и делал вид, что не замечает протянутую ему тетрадь.

– Ладно. Садитесь вон там и пишите. Вот вам бумага и ручка. У меня много дел. Пишите все подробно. С сегодняшнего дня никаких устных заявлений принимать не будет. Только в письменной форме.

– Слушаюсь.

Пенсионерка села за отдельный стол, за которым уже сидели еще двое и писали, прикрывая написанное ладонью, чтобы другой пишущий не смог прочитать то, что уже было написано. Писали все. Следователь тоже писал за своим столом. Тишина кабинета нарушалась только шорохом бумаг и одежды пишущих.

Карбзлинская хотела начать свое заявление с того момента, как эта ее знакомая идиотка посоветовала ей лечить колени товаром новорожденных младенцев. Но потом решила, что в данной ситуации эта информация может показаться излишней, и стала предавать бумаге только то, что касалось тетради и ее загадочного текста.

Пока она пишет, можно сказать следующее: до работы в тюрьме Тамара Петровна около десяти лет отдала школе. Да, преподавала биологию. В школе ее любили. В то далекое время она познакомилась со своим покойным мужем – молодым морячком, который читал ей стихи собственного сочинения про жгучую любовь, которая переполняет его сердце, и про все хорошее, что только может случиться в жизни. Потом они поженились. Сначала родилась дочь, которая потом тоже вышла замуж и тоже потом родила девочку. Внучку. Хорошую такую, умную и любознательную. Через два года у Тамары Петровны родился сын, который в настоящее время отбывал очередное наказание где-то у черта на куличках. А дочь со своим мужем и внучкой уехала за границу. Муж, как известно, умер, и вот Тамара Петровна осталась на белом свете одна. Были еще какие-то дальние родственники, но никто не желал с ней поддерживать родственные связи и всячески ее сторонился.

«Чтоб они все сдохли!» – такими словами закончила свое заявление пенсионерка, имея в виду врагов существующей власти.

Тетрадь с обличающими материалами она оставила у следователя и домой поспешила с невероятной силой, потому что только сейчас вспомнила, что перед уходом в милицию впопыхах поставила варить макароны, и что там теперь с ними сделалось, она себе не представляет. Уже несколько кастрюль были испорчены из-за проклятой забывчивости.

Конечно же, подойдя к своему дому и по привычке осматривая все балконы и все окна, она заметила, что из ее открытой форточки на третьем этаже исходит синеватый дымок и растворяется в воздухе. На скамейке перед входом в подъезд сидели мать курильщика Вовы и хромоногий инвалид со второго этажа.

– У вас, Тамара Петровна, кажется, что-то горит, – елейным голосом сообщила мать курильщика. – Вы когда-нибудь нам весь дом подожгёте.

Ничего не ответив, Карбзлинская метнулась вверх, на свой этаж. И, поспешая, услышала низкий пробивной голос инвалида:
– Она нам когда-нибудь весь дом подожжет!

Запыхавшись, Тамара Петровна добралась до своей двери. «Ах ты ж тварь подлая!» Торопливо открыла все три замка, влетела в кухню и, конечно же, увидела. Всё увидела. Вода выкипела, кастрюля дымилась, макароны превратились в уголь. Залив раскаленную кастрюлю водой и напустив полную кухню ядовитого пара, она закашлялась – и тут сквозь кашель услышала в воздухе тихое и стройное пение. Пенсионерка обошла две своих пустых комнаты, зачем-то заглянула под кровать и затем догадалась: «Поют баптисты». Это там, возле третьего подъезда, они отпевают своего усопшего. «Как же это я забыла? Это все из-за тетради проклятой. Ничего, ничего. Я ему еще покажу! Я ему еще пристрою!»

Вышла во двор. Стала смотреть, как отпевают. Рассмотрела, в чем одет покойник. Выяснила все: когда умер, от чего, как зовут новопреставленного. И тут вспомнила: это тот, у которого в прошлом году неизвестные машину сожгли. Машина стояла в кирпичном гараже за углом дома, и как-то утром раздался взрыв. Крышу гаража сорвало, и машина загорелась. Карбзлинская тогда одна из первых появилась на пожаре. Стояла и смотрела. Слушала, что вокруг говорят. Когда тот, что лежал в гробу, прибежал и хотел висячий замок открыть, чтоб спасти машину, оказалось, что замок на железной двери уже разогрелся, и открыть его никак не получалось. Тогда покойный при всех расстегнул ширинку и обмочил замок, и потом открыл его, но было уже поздно. Машина горела.

Глава 5.

На другое утро шофер мусоровоза лежал, расслабившись, после естественного акта с законной супругой. Та так же лежала, расслабившись, ни о чем не думая. Молчали. А о чем сейчас говорить? Все уже говорено-переговорено. Вот исполнили по работе-крестьянски, без всяких там тебе отклонений и развратных штук свой долг перед природой. Начали, как положено, в горизонтальной позиции и завершили соответственно в верхнем

коленипреклоненном расположении. Делая свои обычные движения, муж вспотел и даже поймал себя на мысли, что совершает какую-то однообразную работу. Скучную и надоевшую. Даже хотел уже было прекратить это бесполезное времяпрепровождение, но тут представил себе, что занимается этим вопросом с одинокой соседкой с первого этажа, которая уже неоднократно при его появлении в подъезде распахивала свою дверь и показывалась без одежд – как бы случайно. При этом игриво ойкала и затем закрывала дверь. Представил ее нахальную улыбочку, глаза с сумасшедшинкой, и тут же дело пошло веселей. Последние аккорды дал с долгим криком, к которому и законная супруга добавила свои повизгивания. И тут же всем стало легче. Теперь вот, расслабившись, отдыхали. Все культурно, все как положено. И тут в дверь настойчиво позвонили. Как всегда, некстати. Кого это черт принес? «А вдруг это по вчерашнему случаю? Вдруг этот придурок копыта отбросил там на обочине?» Говорить сейчас законной супруге, чтоб пошла посмотрела, кого это там черти принесли, было бесполезно. У нее всегда после акта минут на двадцать ноги отказывали. Не могла и двух шагов сделать: как ватные они делались у нее и не держали тело.

Пришлось подняться самому. Быстренько накинул халат и на цыпочках подошел к дверному глазку. И увидел. На площадке стояла соседка с первого этажа совершенно голая с оципанной курицей в руке. Шофер всматривался в соседку, которую только что в мыслях своих так лихо использовал, и глазам своим не верил. «Нет, это не по делу вчерашнего наезда». Он слегка успокоился и даже развеселился. И решил открыть дверь, выяснить, что происходит. Отодвинул задвижку, открыл и окинул голую веселым взглядом.

– Умоляю! – завораживающим голосом попросила соседка. – Щепотку соли по вашей силе возможности. Умоляю! Дайте мне соли!

От неожиданной просьбы хозяин квартиры даже растерялся. Хотел было спросить голую, что произошло, но та посмотрела в глаза шофера таким проникновенным взглядом, что тот, больше ни слова не говоря, кивнул и тут же кинулся в кухню, схватил солонку и снова появился за входной дверью. Но соседки уже нигде не было. Изумленный шофер мусоровоза глянул на нижний

пролет лестницы. На верхний. Но странная просительница соли как в воду канула.

«Бухать надо завязывать, Коля!» – сказала потом жена, выслушав сбивчивый рассказ мужа, в котором голая соседка была преднамеренно заменена на голого мужчину в морской фуражке с крабом.

Но тут в дверь снова настойчиво позвонили. Супруги притихли и съежились.

– Пойди ты посмотри, кто там, – шепотом сказал супруг.

– Я боюсь, – честно призналась супруга.

– А если это снова она... он, голый этот, то что делать?

– А ты спроси у него документы.

Шофер сбросил халат и стал решительно натягивать штаны. Потом надел рубашку. Сунул ноги в шлепанцы, взял на всякий случай молоток, лежавший в выдвижном ящичке в тумбочке, и пошел к двери. Осторожно на расстоянии стал заглядывать в дверной глазок. Но на расстоянии ничего не было видно. Тогда он все-таки приблизил глаз к этому оптическому прибору, и в этот момент снова резко зазвонили. От неожиданности хозяин квартиры отпрянул назад. «Есть кто дома?!» – раздался за дверью мужской голос. Шофер нарочито грубым голосом спросил:

– Что надо!

– Серпуховский Владимир Николаевич?

– Да, а что такое?

– Откройте! Вам повестка из милиции. Получите и распишитесь.

Глава 6.

Наконец-то из кабинета Басова вышел последний из сознательных доносящих, и следователь вздохнул. Потом вздохнул еще раз. Как бы нехотя взял в руки тетрадь, оставленную Карбзлинской. Открыл, полистал. Удивился глупости то ли шифровки написанного, то ли просто еще неизвестно чему. Не особенно напрягаясь, прочел несколько предложений и вдруг написанное заинтересовало его. Он понял, что в его руках находится доку-

мент, который требует повышенного внимания. Из стопки сегодняшних доносов отыскал бумажку известной пенсионерки и выяснил, откуда к ней попала эта тетрадь. Тут же распорядился вызвать на беседу гражданина Строчко. Затем, перебирая и вскользь просматривая остальные бумажки, наткнулся на такое: «Сегодня утром, выгуливая свою собачку Кармелину, я видел, как мусоровоз, выезжая из заднего двора роддома номер семь, сбил человека и затем скрылся». Басов не стал дальше читать: «Очередной бред», – подумал, но потом наткнулся еще на одну бумажку, в которой тоже говорилось об утреннем событии: «Из своего окна я увидела, как мусоровоз сбил человека, а потом поехал, и впереди его бежала собака и гавкала». Третья бумажка также описывала мусоровоз, который сбил человека. В ней писалось: «Шофер и двое его сподручных оттащили сбитого на обочину и оставили там».

Басов вызвал к себе в кабинет дежурного и попросил его принести сводку происшествий за последние часы. Ознакомившись с ней, он не нашел ничего, касающегося мусоровоза, но тем не менее распорядился установить и пригласить на разговор шофера мусоровоза. А следующая бумажка вначале развеселила следователя, а потом заставила действовать. В бумажке в конце так и говорилось: «Если не верите – проверьте сами. Подойдите к означенному строению и сами все услышите». «А вот пойду и проверю», – решил Борис Михайлович. Тем более что до парка Горького было минут десять ходьбы, и тем более что ему захотелось просто пройтись и подумать о том, что он прочитал в тетради.

Войдя в парк и уже приближаясь к означенному в бумажке парковому туалету, Басов увидел, что там толпится народ, и до него долетают какие-то странные слова: «Всей душой своей я люблю существующую власть! Нашу родную власть нужно любить всем сердцем, всей душой!».

«Что за чудеса?» – подумал следователь и подошел к туалету поближе.

– Что здесь происходит? – поинтересовался он у одного из слушающих.

– Да вот из туалета исходит. Там никого нет внутри, а голос звучит с ниоткуда. Прямо чудеса какие-то.

Басов вошел в туалет. В нем действительно никого не было. Ни в мужском, ни в женском отделении. Не было и никаких динамиков, а звук как бы рождался в самом воздухе и вылетал наружу. Прimitивные слова восхваляли существующую власть. И с одной стороны, в этом ничего не было предосудительного, а с другой – само место, из которого исходили эти слова, вводило в недоумение и смущение. Следовательно достал мобилку и позвонил начальнику своего учреждения.

Глава 7.

Этого никто не ожидал. Никто даже в мыслях своих не смог предположить, что такое возможно. Но, как видно, возможно. К вышеозначенному туалету в парке Горького в короткий час прибыли люди из районного отделения, но через полчаса их оттеснили специалисты *оттуда*. Откуда – оттуда? В таких случаях обычно указательный палец идет вверх, а уста ничего не произносят. Уста молчат. Вот так вот. Такие вот дела. Все в сером. Взгляд цепкий и проникающий.

Специалисты тут же обследовали вышеуказанный туалет – конечно же, не так, как его обследовал уважаемый Борис Михайлович. У него, кстати, и приборов таких не было, которые видят все через цементные стены и слышат, как мышь в подполье сухарь грызет. Вот такими-то приборами серьезные люди в сером обследовали каждый сантиметр туалета во все стороны и особенно в глубину, но точки, откуда исходят восхваляющие речи, обнаружено не было. «Наша власть самая мудрая, самая любимая всем нашим народом! Она не допустит! Такой мудрой и решительной в нашей стране еще не было! Она восхитительна и неподкупна! Она думает за всех нас и несет нам благо и верную весть в сердца каждого из нас!» – несло черт его знает откуда, но явно из общественного паркового.

Решено было наглухо закрыть все двери, все окна и все отдушины этого загадочного строения. Конечно же, в срочном порядке были опрошены свидетели. Свидетели показали, что все началось с раннего утра, и вначале прославляющий голос был якобы

тих и невзрачен, но постепенно стал крепчать – и вот теперь его слышат все. И что с этим делать, решать, конечно же, тем, кому это положено. Обследовав и выяснив, что исходящие слова слышно на определенном расстоянии от точки их исхождения, прибывшие *оттуда* (палец вверх!) после короткого, но делового совещания приняли решение: срочно взять означенный туалет в кольцо. Разогнать к чертовой матери всех зевак, а кольцо создать из надежных людей, проверенных чувством и временем. Буквально за полчаса такое кольцо было создано. Конечно же, Тамара Петровна Карбзлинская оказалась стоящей в этом кольце довольно охотно и благонадежно. В радиусе десяти метров все стали плечом к плечу и к туалету никого не подпускали. Ну и что? Голос все равно продолжал исходить и восхвалять власть все громче и громче.

Но как только в этот злополучный туалет каким-то образом, раздвинув кольцо и повторяя странные слова: «Тройка, семерка, туз», – вошел какой-то неказистый хмырь, голос прекратился. Как только он вышел, голос возник с удвоенной силой. Тогда тот вошел повторно. Голос замолк. Как быть? Что делать? Как докладывать в высшие сферы? Что за чертовщина! Решили вошедшего не выпускать и тут же закрыли за ним дверь наглухо. Из высших сфер уже спрашивали о происходящем. По округе поползли слухи об удивительном. Удивление стало притягивать к себе все новых и новых желающих посмотреть и услышать собственными ушами. Вокруг кольца постепенно стала собираться толпа. А уже ничего не происходит! А вот вам всем шиш, любопытным! Чтобы прекратить ненужное волнение, один из прибывших *оттуда* (попрошу палец вверх!) достал пистолет и выстрелил в воздух. От звука выстрела Басов проснулся. И удивился совершенно идиотскому сну. «Переутомление», – решил он. Заснуть прямо на рабочем месте – это куда не годится. Надо пересмотреть свое отношение к создававшемуся положению. «Всё! Всё! Всё! – решил он. – Всё! К Зинаиде я больше не ходок. Надо прервать на время».

За дверью в коридоре районного отделения снова раздался выстрел. Борис Михайлович от удивления оцепенел, после оцепенения выскочил в коридор. В чем дело? Что такое? Кто стрелял? Увидел сержанта Бляхова с тазиком.

– Вот мукак! Вот мукак! – причитал Бляхов.

- Кто?! – следователь был в недоумении.
- Да сумасшедший какой-то! Вбежал, кричит тут, что в парке Горького из туалета голос идет. Какой голос? Что за голос?
- А стрелял кто?!
- Не, не стрелял! Это он вот этим тазиком об пол хватил, чтоб всполошить всех. Мудак чертовый!
- Где он?
- Там в обезьяннике. Мудак невоспитанный.
- Сержант сплюнул. Басов направился к задержанному.

Глава 8.

- Власть славят из туалета! – дерганой речью изрек задержанный при виде следователя. И стал икать. – Ик! Ик! Ик! Ик! Ик!.. – так не переставая.

- Дайте ему воды, – сказал Басов.

Дежурный дал воды. Тот испил. Замолчал. А потом снова начал икать. Воду пил, но продолжал икать яростно, без зазрения совести. Икал уже сам по себе без всякого успокоения.

- Э-хе-хех!

Все неясно. Почему задержанный после своих безобразных слов вдруг начал икать? Безостановочно. Почему Борис Михайлович никому ничего не сказал, вышел из учреждения на улицу и как в воду канул? Неясно все это. Нет четкой ясности в происходящем. И кто это вообще произнес дурацкое: «Э-хе-хех!» – ничего не поясняя окружающим, к чему оно относится? Туманно все как-то, безалаберно и противоестественно.

А тут еще по повестке явились шофер мусоровоза и этот... как его? Матвей, как бы потерпевший. Пришли, смотрят друг на друга в недоумении. Вроде бы где-то встречались, а четкости никакой нет в сознании. Все молчат. А за железными прутьями дурак икает на все отделение. И от этого икания уже нервы у всех на пределе. Так и есть. Дежурный не выдержал, плеснул на икающего водой из кружки, а тому хоть бы хны. Разикался прямо тебе как на базаре. Тогда наконец-то додумались. Сержант, тот, который был с тазиком и который так и стоял здесь все время,

и дежурный вытащили икающего из обезьянника, подтащили к двери и дали ногой под заднее место. Выгнали, как шелудивого пса, и тазик потом сержант бросил ему вдогонку. А на кой черт сержанту этот дурацкий тазик из оцинкованной жести, погнутый весь?

Выгнали дурака и сразу же в отделении возобновилась рабочая обстановка. Один вошел в кабинет № 4. Другой вышел из кабинета № 7. Один понес папки с делами в кабинет начальника. Другой вышел от начальника, подошел к урне, стоявшей в углу, и плюнул в нее. Появилось некоторое облегчение в воздухе, но потом он снова сгустился, и мысли всех стали путаться в пространстве. Снова появилась неясность в задуманном.

– Где же следователь Басов из шестого кабинета?! – шофер мусоровоза стал проявлять возмущение.

– Ждите, – строго сказал дежурный и посмотрел на шофера недоверчивым взглядом.

– Зачем меня вызвали – я не знаю, – тихо возмущался шофер.

А Матвей этот... тоже как-то недоверчиво сидел на лавке и смотрел в одну точку на покрашенной стене и даже не шевелился. Он тоже думал. О чем? Но об этом говорить еще рано.

Зинаида ждала. Когда раздался дверной звонок, она даже не вздрогнула. Хотя немного все же вздрогнула, но не так, как обычно. Обычно она вздрагивала более выразительно. Если в руках была посуда с ложкой внутри, то та вззвывала и отображала нерв человеческий, идущий через руку.

Потом она открыла дверь. За дверью стоял следователь Борис Михайлович Басов. И снова все закончилось сексом.

На этом предложении роман «Слепое слово» начался развиваться сразу во все стороны.

